

*Robert Schumann
(1810 – 1856)*

MARIA YUDINA PLAYS SCHUMANN

RECITAL AT SMALL HALL
OF THE MOSCOW
TCHAIKOVSKY
CONSERVATORY,
JUNE 10, 1951

Moscow Conservatory
RECORDS

**SOUND OF THE MOSCOW
ARCHIVES CONSERVATORY**

**PREVIOUSLY UNRELEASED
RECORDINGS**

10545 From Italian Concerto in
11 Sonata No. 3 in F major, op. 5
12 No. 3 in F minor, op. 5 Organ Prelude and
13 and 9714 Waltz in A flat major, op. 39 No. 35
From "Romeo and Juliet", Ten pieces for piano
14 Organ Concerto in F major, BWV 971
15 No. 5 Organ Prelude and Fugue in A minor
16 in major, op. 39 No. 15 From "Romeo and
17 Waltz in A flat major, op. 39 No. 15 From
18 No. 111 Sonata No. 3 in F minor, op.

Robert Schumann (1810 – 1856)

Kreisleriana, op. 16

1	1. Äußerst bewegt	2.32
2	2. Sehr innig und nicht zu rasch	8.52
3	3. Sehr aufgeregert	4.24
4	4. Sehr langsam	3.23
5	5. Sehr lebhaft	3.52
6	6. Sehr langsam	3.02
7	7. Sehr rash	1.52
8	8. Schnell und spielend	4.20
9	Des Abends, op. 12 No. 1	5.00
10	Vogel als Prophet, op. 82 No. 7	3.41
	Fantasie, op. 17	
11	1. Durchaus phantastisch und leidenschaftlich vorzutragen	11.38
12	2. Mäßig. Durchaus energisch	7.12
13	3. Langsam getragen. Durchweg leise zu halten	7.52

Maria Yudina, piano

Live at Small Hall of the Moscow Tchaikovsky Conservatory,
June 10, 1951

Restoration and mastering: Elena Sych

Design: Maxim Kompaneets

Translation: Elizaveta Miller

Executive producer: Eugene Platonov

SMC CD 0241
ADD/MONO
TT: 67.43

“...sometimes I carried in thought the lives of men, so different, sad, solemn or forgotten; the mountain peaks and the sky full of stars. And the 3rd movement of Schumann’s Fantasia ... initially carried the title “Crown of Stars”

Maria Yudina

The release of this CD is without any exaggeration an important event for both the professional musicians and the loving audience of Maria Yudina’s art. It is a unique archive recording of the concert she gave on the 10th on July 1951 in the Small Hall of the Moscow conservatory. It is an all-Schumann recital where she performed the Fantasia and the Kreisleriana. Until now, we only knew Yudina’s recording of the Fantasiestücke, op.12 and the unequalled prophetic interpretation of “Vogel als Prophet” from the Waldszenen. But we know she played the Etudes Symphoniques, the Davidsbündlertänze, the 3rd Sonata and the Piano Concerto. Those who were not lucky enough to have heard these compositions live (the last time Yudina performed the Fantasia was in 1955 and the Kreisleriana in 1966) were left to jealously read the letters and articles of the happy witnesses. Whether ecstatic or critical, they attest to the eccentricity of Yudina’s interpretations that always gave contradictory impressions and incited passionate discussions. It is no surprise that today this recording strikes us, induces reflection and opens new horizons.

This unique tape was left for almost 70 years in the archives of the conservatory. Only recently was it discovered by the sound engineers and masterfully restored, despite the poor equipment and long years of storage. When we first approached these tapes in the 1970’s, the deplorable quality of the original recording, the noise, the gaps made any thought of a release impossible. The idea to return to an almost forgotten phonogram belongs to Alexei Lubimov, an exceptional musician and a true lover of Yudina’s art. We already owe him several “archeological” discoveries, for example Yudina’s performance at the 1950 Leipzig Bach festival, and her Polish tour in 1954.

When we read the chronograph of Yudina's concerts, we can't help noticing that she played Schumann much more rarely than Bach, Mozart, Beethoven or Schubert. We only count about a dozen performances of the Fantasia (the first one in 1922) and Kreisleriana (the first in 1924). The Kreisleriana was on the program of Yudina's first recital in Moscow in 1929.

According to the archives, the 1951 concert was the second and last time she included both pieces in the same program. The first occurred at the very beginning of her career in 1924 in Leningrad. The second part of the 1924 recital was dedicated to Medtner's *Forgotten Melodies*. We know that Karatygin, a famous music critic, was quite enthusiastic about Medtner but much less satisfied by Yudina's *Kreisleriana*. "Why these constant strong accents, why this rushing and twitching in some episodes?" – he wrote in the "Life of Art" magazine. The pianist Alexei Bykov, who was Yudina's student in the 1920's at the Leningrad Conservatory recalled that many musicians were left perplexed: "Why does she play *Kreisleriana* like this?!" Her interpretation of this piece was met with incomprehension during her entire life. However, there were also those who understood and accepted these extremes. Among them was Nikolay Dadiani, a Georgian pianist, who in 1960 wrote in a letter to Yudina: "The first movement of the *Kreisleriana* (she played it as an encore – M.D.), where after the rash "fortissimo" comes your articulate "pianissimo" that brings out the harmonic modulations! I can swear! To hear it again is worth a lifetime."

Let us now consider how Yudina's contemporaries received her interpretation of the *Fantasia*. The first testimony relates to the 1920's. Ariadna Birmak, a pianist and professor of the Leningrad Conservatory, once Yudina's fellow-student in the studio of Yesipova, wrote: "For her it was a time of bold experiments (the 1920's), original interpretations, some of which were successful, and others failed. I remember her playing Schumann's *Fantasia*, where everything was reversed. Where Schumann wrote *forte* she played *piano*, and vice-versa. Many musicians were confused, but

Professor Nikolaev said: "Marusia is always searching. I do hope she'll find what she looks for one day." Surprisingly – or not? – we can hear all this in the 1951 recordings, 30 years later! All the dynamics are reversed, the tempi are fast and agitated, the contrasts are overmarked. Some episodes are repeated, although not marked so by Schumann, and the other way round. And most striking of all – the rubato in the last movement of the *Kreisleriana*, this fascinating lagging, these delays on the inexorable way to disappearing.

Another rapturous account of Yudina's performance of the *Fantasia* in the late 1920's belongs to her cousin, the conductor Gavriil Yudin. He marked above all "the incredible width, {...} the noble force of the Spirit, that remind one of Beethoven. The *Fantasia* was a powerful affirmation of the greatness of human spirit, even before we heard the theme, from the very first bars, where the listener was overwhelmed by the cascade of 16th notes. It conquered us with this strong conviction (and, as a natural consequence, the persuasiveness), so typical of Yudina, in the inexorable power of the statement "Durch alle Töne tönet", "sounds in all the sounds" (the motto Schumann left in the manuscript, from a poem of F. Schlegel).

Konstantin Adjemov, leaves a similar account in his recollections of Yudina playing the *Fantasia* in radio broadcasts during the years of war. She played "in one breath, with an almost demonic elan, only just restrained by her will...". She convinced the audience by her own strong conviction, and she still convinces us in the 21 century.

Both the enthusiastic and the doubtful critics share the same feeling of surprise, of astonishment. Both are stricken by their experience of listening to Yudina's performance. But while the conservative ear doesn't accept this experience, for others it is a positive one. They believe that Yudina takes an equal part in the creation with the composer. They understand that the range of possible interpretations only widens along with historical distance.

“Vogel all Prophet” from the Waldszenen, is without any doubt a chef-d’oeuvre. Yudina breaks with many clichés about what is schumanesque – the extravagant pedalling, a specifically fine, discreet touché and graphic, precise phrasing seem to bring us into the world of Prokofiev and even Webern.

In this Schumann recital Yudina, a true romantic and a modernist of the 20th century at the same time, creates new connections, inspires new means of expression and deceives conventional expectations, but stays faithful to the Spirit of Music all the while.

Marina Drozdova

«...иногда вставляли перед внутренним взором иные судьбы людские, печальные, торжественные или безвестные; горные цепи и небо в звёздах. А третья часть Фантазии Шумана ... первоначально носила название «Звёздный венец».

М.В. Юдина

Не будет преувеличением сказать, что выход в свет настоящего диска станет подлинным событием, как для профессиональных музыкантов, так и для любителей и ценителей исполнительского искусства Марии Вениаминовны Юдиной. Перед нами архивная – единственная! – запись сольного концерта пианистки, состоявшегося 10 июня 1951 года в Малом зале Московской консерватории, в котором она исполнила два крупных сочинения Р. Шумана – «Крейслериану» и Фантазию. В программу первого отделения концерта входили также три пьесы из ор.12, «Вещая птица» и «Арабески», но, к сожалению, на

плёнке сохранились лишь две пьесы – «Вечером» и «Вещая птица». Напомню, что до сего дня из всего шумановского репертуара Юдиной нам было известно лишь замечательное исполнение цикла «Фантастические пьесы», ор. 12 и непревзойдённое, пророческое прочтение «Вещей птицы» из «Лесных сцен». А в её репертуаре были ещё и Симфонические этюды, и Танцы Давидсбюндлеров, Соната № 3 фа минор и Концерт. Тем, кому не довелось побывать на этом концерте или услышать эти сочинения в предыдущие или последующие годы (Фантазия прозвучала в последний раз в 1955 году, а «Крейслериана» в 1966), оставалось лишь с завистью читать отзывы, мелькавшие в воспоминаниях, письмах и статьях современников. Восторженные и критические, они свидетельствовали о неординарности и шокирующей неожиданности юдинских интерпретаций, вызывавших всегда противоречивые оценки и страстные споры. Неудивительно, что и нас, сегодняшних слушателей этой уникальной записи, неповторимый мир юдинской фантазии не оставляет равнодушными, побуждает к размышлениям, открывая новые горизонты.

Почти 70 лет эта уникальная плёнка хранилась в фонотеке консерватории и лишь недавно была отдана в руки искусных мастеров-реставраторов, которым удалось совершить подлинное чудо – возродить запись, сделанную в те далёкие времена на несовершенной аппаратуре, не избежавшую разрушительного воздействия времени. В плачевном, катастрофическом состоянии плёнки мне довелось убедиться ещё в середине 70-х годов прошлого века (!!!), когда только начинались поиски неизданных юдинских записей и переиздание сохранившихся. Увы! Шумы, хрипы, многочисленные утраты – а тогда прошло лишь четверть века с момента записи! – заставили нас, не без сожаления, отказаться от мысли о публикации. Идея вновь обратиться к уже почти забытому документу принадлежит почитателю искусства Юдиной, замечательному пианисту и музыкальному деятелю Алексею Борисовичу Любимову. Он уже совершил ряд бесценных «археологических» раскопок подобного рода, найдя, в частности,

записи юдинских выступлений 1950 года в Лейпциге на баховских торжествах, а также её концертов во время гастролей в Польше в 1954 году.

Если посмотреть хронограф концертов Марии Вениаминовны, нельзя не заметить, что Шумана играла она несравненно реже, чем, например, Баха, Моцарта, Бетховена или Шуберта. Можно насчитать немногим более десятка исполнений Фантазии и столько же «Крейслерианы» за всю творческую жизнь. Фантазия вошла в её репертуар в 1922 году. «Крейслериану» она начала играть в 1924 году. В 1929 году включила её в программу своего первого концерта в Москве

Согласно сохранившимся документам «Крейслериану» и Фантазию Юдина включила в одну программу 1951 года всего второй и последний раз в жизни! Впервые она позволила себе такое сочетание в самом начале творческой карьеры в ленинградском концерте 26 февраля 1924 года. Второе отделение было посвящено «Забытым мотивам» Метнера. Интересно, что уже тогда известный критик Каратыгин, посвятив восторженные строки юдинской интерпретации «Забытых мотивов», гораздо меньше был удовлетворён ее трактовкой «Крейслерианы». «Зачем эти поминутные резкие подчёркивания, к чему эта торопливость и какая-то почти судорожная задёрзанность некоторых эпизодов?», – писал он в журнале «Жизнь искусства». А пианист Алексей Быков, учившийся у Юдиной в 20-х годах в ленинградской консерватории, впоследствии вспоминал, что многие музыканты недоумевали тогда: «...непонятно, почему Юдина так играет... «Крейслериану»! Непонимание её прочтения этого сочинения (Фантазию чаще принимали более благосклонно) сопровождало Юдину всю жизнь. Хотя, конечно, было немало тех, кто в разные годы понимал и принимал эти неожиданные крайности. Среди них назову грузинского пианиста Николая Дадиани, который писал ей в 1960 году, после одного из концертов в Тбилиси: «А первая фантазия из «Крейслерианы» (которую она сыграла на bis – М.Д.), где после стремительного «фортиссимо» следует Ваше

чеканное «пианиссимо», оттеняющее гармонические переливы! Клянусь! Стоит ценою жизни ещё раз услышать это».

Посмотрим, как же современники оценивали юдинскую интерпретацию Фантазии? Самое раннее впечатление относится к началу 20-х годов. Пианистка Ариадна Бирмак, профессор Ленинградской консерватории, учившаяся с Юдиной ещё в классе Есиповой, вспоминала: «Для неё это время смелых дерзаний (1920-е годы), оригинальных трактовок, среди которых были и удачи, и просчёты. Помню... играла она Фантазию Шумана, и всё было исполнено в зеркальном отражении. Там, где в нотах стояло *forte*, у неё было *piano*, и наоборот. Многих музыкантов удивляла такая трактовка, профессор же Николаев сказал: «Маруся ищет и ищет. Надеюсь, когда-то всё-таки найдёт». – Удивительно – а, может быть, совсем не удивительно? – это же самое мы слышим в представленных на диске записях и «Крейслерианы», и Фантазии (а ведь прошло 30 лет!): где *forte* – там *piano*! Темпы – возбуждённые, быстрые! То же динамическое заострение контрастов. Повторения эпизодов, не указанные автором, и неповторение указанных! И самое удивительное: в последней пьесе Крейслерианы № 8, где постоянный ритмический рисунок, казалось бы, совсем не предполагает свободного обращения со временем (*rubato*) – эти пленительные задержки, остановки в неостановимом стремлении к исчезновению!

Теперь мы можем разделить восхищение двоюродного брата Марии Вениаминовны, дирижёра Гавриила Яковлевича Юдина, вспоминавшего её исполнение Фантазии в конце 20-х – начале 30-х годов! Он особенно подчёркивал «необъятную ширь, /.../ гордую мощь духа, заставляющую вспомнить Бетховена. Могучее утверждение величия человеческого духа С-dur'ной Фантазии началось ещё до появления первой темы, с первых же двух тактов, когда на слушателя обрушивался **громоподобный каскад шестнадцатых**, покорявший яростной, столь характерной для всего искусства Марии Вениаминовны **убеждённостью**

(и – как естественное следствие – **убедительностью**) в непререкаемой силе этого обращения к человечеству, этого «Durch alle Töne tönet» – «Сквозь все звуки звучит» (из стихотворения Ф. Шлегеля. Поставлено Шуманом в качестве мотто в рукописи Фантазии). (выделено мною – М.Д.)

Очень близкие ощущения находим мы в словах К.Х. Аджемова, долгие годы хранившего в памяти юдинское исполнение Фантазии в ночных радиопередачах военного времени. Она играла «на едином дыхании, с некоей демонической стихийностью, сдерживаемой волей...», – говорил он. Да, она убеждала своей убеждённостью и продолжает убеждать и сегодня нас, слушателей 21-го века.

В основе приведённых мною высказываний музыкантов разных поколений лежит одно и то же чувство: удивление от неожиданности, необычности услышанного. И те, и другие поражены. Но одни, более консервативные – со знаком минус. Другие – со знаком плюс. Они верили в её соавторство с композитором и понимали, что «смысловый диапазон» (К.В. Зенкин) интерпретаций неизбежно расширяется с увеличением исторической дистанции.

Вот тут уместно сказать несколько слов о представленной на диске интерпретации Юдиной пьесы «Вещая птица» из цикла «Лесные сцены», являющейся одним из несомненных исполнительских шедевров пианистки. И здесь – всё как будто против «привычного» Шумана. Особая, необычайно точная, дискретная манера звукоизвлечения, графически чёткая фразировка, своеобразная педализация, – всё это позволяет Юдиной проецировать великого романтика в будущее. Её «Вещая птица» звучит предсказанием и Прокофьева – его лирические страницы, и даже – структурно – ... Веберна.

Итак, в этой шумановской программе, Юдина – вечный романтик, художник двадцатого века, века Прокофьева, Шостаковича, Стравинского и Веберна, стирая границы времени и условные стилистические рамки, создаёт новые формы, оставаясь верной вечному духу музыки.

М.А. Дроздова

Роберт Шуман (1810 – 1856)

Крейслериана, op. 16

1	1. Äußerst bewegt	2.32
2	2. Sehr innig und nicht zu rasch	8.52
3	3. Sehr aufgeregt	4.24
4	4. Sehr langsam	3.23
5	5. Sehr lebhaft	3.52
6	6. Sehr langsam	3.02
7	7. Sehr rash	1.52
8	8. Schnell und spielend	4.20
9	Вечером, op. 12 № 1	5.00
10	Вещая птица, op. 82 № 7	3.41
	Фантазия, op. 17	
11	1. Durchaus phantastisch und leidenschaftlich vorzutragen	11.38
12	2. Mäßig. Durchaus energisch	7.12
13	3. Langsam getragen. Durchweg leise zu halten	7.52

Мария Юдина, фортепиано

Запись с концерта в Малом зале Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского 10 июня 1951 года

Реставрация и мастеринг: Елена Сыч

Дизайн: Максим Компанеев

Перевод: Елизавета Миллер

Исполнительный продюсер: Евгений Платонов